

Порочный обычай

На моей памяти постепенно расширялся и ныне дошел до феноменальных размеров обычай по увольнению чиновника с должности за непригодностью заботиться о помещении его на другую должность. Это один из обычаев нынешних нравов служебного мира. В силу другого обычая практикуется тоже странный прием: губернатор оказался негодным в Тамбовской, например, губернии, — его посылают в одну из так называемых завалящихся губерний, точно эта завалящаяся губерния должна быть за неведомые грехи наказана губернатором, оказавшимся в другой губернии непригодным, и сотни тысяч людей обрекаются быть жертвами этой губернаторской непригодности. Я понимаю, было время, когда эти приемы практиковались, но весьма редко, как относительно чиновников, так и относительно губернаторов.

Во всяком случае, я помню время, когда признавалось немислимым губернатора, который оказался или явно негодным, или подозрительным относительно принципов нравственности, перемещать в какую бы то ни было губернию. Теперь вот, сколько лет, как это практикуется, так сказать, принципиально, причем, заметить надо, обычай этот перешел и в ведомство Святейшего Синода, где тоже практикуется, как нечто уже установленное, система перевода епископа, оказавшегося негодным в одной епархии, в другую, тоже завалящуюся. Еще реже в прежнее время признавалось возможным не только всякого непригодного товарища министра, но всякого непригодного директора департамента, а иногда даже по протекции губернатора, от которого удалось отделаться, определять в Сенат сенатором. В то прежнее время это считалось оскорблением Сената. Теперь мы дошли до того, что другого исхода, чтобы отделаться от непригодного директора департамента, не принято признавать, как назначение его в сенаторы. Мало того, недавно состоялось назначение уволенного от должности товарища министра в сенаторы как раз после того, что он, как говорят французы, *au su et au vu de tout le monde**, сделал крупную служебную некорректность. И что же? Он не только не удовлетворен этим блестящим для него выходом из критического

* У всех на глазах (фр.).

положения, но нашел, что его обидели назначением в сенаторы, так как, по его мнению, наименьшее, что ему могли дать, это назначение в члены Гос. Совета!

По этому поводу много раз слышанная мною знаменитая фраза, которая мотивирует негодование этому обычаю: «Да надо же его куда-нибудь деть». Человек не мог заботиться на своем служебном месте, быть годным, — его нужно уволить, и вследствие этого на увольняющем его начальстве лежит нравственная обязанность его куда-нибудь деть или куда-нибудь пристроить. В награду за его негодность! Если бы от такого странного обычая и даже принципа никто не страдал, тогда можно было бы с ним мириться, как с одной из многих странностей в жизни. Но дело в том, что от этой странности, сделавшейся принципом, страдают, во-первых, интересы государственной службы, а во-вторых, интересы немалого количества достойных и почтенных лиц, оказывающихся не только годными, но и нужными на государственной службе. Количество сенаторов не может быть растяжимо до бесконечности, есть известный *maximum*, далее которого в известный момент нельзя идти. Кому же принадлежит право полезной службой надеяться на получение сенаторского звания? Очевидно, лучшим из членов судебного ведомства, прошедших свой долгий служебный путь, и тем из гражданских чинов, которые долголетней полезной службой на административных местах заслужили сенаторское звание как венец своей службы. Но оказывается в настоящее время, что благодаря назначениям в сенаторы Харузиных, то есть лиц, которых «некуда девать», вакансии для сенаторских назначений так быстро и неожиданно замещаются теми, которых надо пристроить, что заслуживающим сенаторское звание долголетней блестящей службой лицам приходится с года на год откладывать осуществление своих надежд. И горько им убеждаться, что для Харузиных есть сенаторские вакансии, а для них нет.

Но не в этом одном страдают интересы государственной службы. Они страдают и потому, что, очевидно, когда служебная практика все учащает случаи пристраивания людей, оказавшихся негодными на своей должности, к другой, высшей должности, то из этого получается такой результат: состоящий на какой-либо должности говорит себе: так как негодный на службе имеет подчас более шансов быть пристроенным к лучшей должности, чем оказывающийся годным, то из этого следует, во-первых, что не стоит особенно усердствовать на службе, а во-вторых, что служба

в настоящее время не только позволяет быть непригодным, но непригодному дает премию в виде шанса быть пристроенным к лучшему месту по увольнении за непригодностью, — шанс, которого не имеет годный по службе в том случае, когда он по какой-либо причине по уходе с одной должности ищет другой, в виде повышения. Ясно, что ничто так не роняет нравственный уровень государственной службы, как именно это.

Нигилизм — порождение либерально-чиновничьего Петербурга

I. Размышления

Странное время — нынешнее время. Скверное, зловещее время. Чувствуешь, сознаешь, знаешь, что ни мысль, ни сердце ничего не могут, и основные силы духовного мира, обреченные роком на бессилие, должны как бродяги прятаться от дневного света, чтобы не являться нарушителями *порядка* наших духовных отправлений!

Порядка!! Какая горькая ирония!

Никогда еще в виде *порядка вещей* духовный беспорядок в смысле безначалия, безверия, бессмыслия не доходил до нынешнего состояния, состояния спокойного царения или, вернее, успокоенного царения.

А все же невозможно не говорить.

Нельзя оставить поле русской мысли в распоряжении одних фельетонистов петербургской печати — пока есть капля крови в жилах, нельзя мириться с таким ужасным растлением духовного мира в виде нормального состояния.

Это-то и понуждает меня писать, хотя — признаюсь откровенно, — с полной уверенностью в бесполезности для настоящего каждого из имеющего быть сказанным слова: может быть на одно или два лица среди 80 миллионов эти искрение слова подействуют, а если и на них не подействуют, то все же писать должно, хотя для того, чтобы историк будущего мог хоть один голос протеста против безначалия нынешнего времени, возведенного в принцип, найти среди петербургской интеллигенции.

Я сказал выше об *успокоенном царении духовного растления* в нашем обществе!